

Николай Добролюбов

Народное дело.

Распространение обществ

трезвости

Николай Добролюбов

**Народное дело. Распространение
обществ трезвости**

«Public Domain»

1859

Добролюбов Н. А.

Народное дело. Распространение обществ трезвости /
Н. А. Добролюбов — «Public Domain», 1859

Распространение обществ трезвости, бойкот крестьянами, городскими низами откупной системы и более активные формы борьбы Добролюбов справедливо расценил как широкое социальное народное движение. По свидетельству историка, Добролюбов «собрал большой материал о трезвенном движении, изучив все, что было тогда опубликовано по этому вопросу в газетах и журналах. Мастерски обходя цензуру, Добролюбов разоблачил махинации откупщиков и нарисовал яркую картину безотрадной жизни крестьянина...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	8
Комментарии	

Николай Александрович Добролюбов

Народное дело

Распространение обществ трезвости

Много раз приходилось нам слышать от людей, искренно желающих народного блага, выражение сожаления о том, что народ наш живет так разрозненно, так мало проникнут сознанием общих интересов. Не менее горькие сетования слышатся часто и о том, что масса простого народа отделена у нас китайскою стеною от образованных классов общества и вследствие того почти не может пользоваться благодетельными указаниями науки и литературы. И в самом деле, как много представляется пессимистами фактов и соображений, которые приводят к чрезвычайно мрачным заключениям о быте и характере народных масс и заставляют почти отчаяться в возможности их успехов на поприще нравственных и общественных интересов.

«Народонаселение наше, – говорят пессимисты, – раскинуто по бесконечной равнине и во всей Европейской России едва составляет 500 человек на квадратную милю, то есть в восемь и в десять раз меньше населенности всей остальной Европы. Средства сообщения между обитателями разных концов этого 4000-верстного протяжения чрезвычайно неудобны и затруднительны, а потребности и обычаи их слишком разнообразны. Суровый климат и неблагоприятная почва большей половины этого пространства требуют изнурительных и долгих трудов для того, чтобы человек мог безбедно удовлетворить всем своим естественным потребностям. А между тем труд и богатство распределены с гораздо большим неравенством, нежели в какой бы то ни было другой стране. Почти весь производительный труд приходится на долю простолюдин, почти все выгоды его достаются образованным классам. На обязанности земледельца лежит не только забота о своем собственном прокормлении, но и содержание, – да не просто содержание, а богатое, роскошное содержание, – других классов общества. Когда тут думать ему о высших потребностях собственной натуры, когда хлопотать о средствах для улучшения своего собственного быта? Да если и успеет и захочет простолюдин позаботиться о своем нравственном и материальном усовершенствовании, то как он за это возьмется, если только он не мошенник, а честный человек? Вокруг него, перед ним и за ним, вверху и внизу – везде затруднения и препятствия. Промышленность развита у нас мало, да и то составляет большую часть монополии капиталистов, у которых бедному простолюдину можно быть только батраком и поденщиком; денежный курс все меняется к невыгоде бедняка: дороговизна увеличивается год от году, вместе с роскошью тех классов, которые безотчетно бросают направо и налево не ими нажитые деньги. Куда ни поди бедняк, что ни задумай приобрести себе, – ни к чему приступить нет, и на всем он должен потерпеть страшный изъяз. На какие же средства будет он улучшать свое нравственное и материальное положение? Откуда возьмет он досуг для приобретения образования? Откуда возьмется у него вкус к участию в общественных интересах? Он не знает, как ему справиться и с своими домашними нуждами, как удовлетворить физически-настоятельным потребностям. А тут говорят: общее дело! Да как же до него добраться, если бы кто и захотел? Когда и каким образом астраханский промышленник, казак из Ставрополя, горнозаводский работник из Перми, рыболов из Колы – сойдутся хоть бы в Петербурге, в котором централизована вся государственная жизнь наша и который от каждого из этих людей отстоит с лишком на 2000 верст? А если и сойдутся, то как они станут рассуждать с людьми образованными и учеными? У них ведь нет никакой подготовки к занятию общественными интересами, да и быть не может при настоящем порядке вещей. Образованность составляет у нас такую же монополию, как и промышленность; и как наши фабрики заняты чуть не исключительно изготовлением предметов роскоши, так и наша литература хлопочет более всего об удовлетворении праздного воображения и казуистической любознательности.

Нас занимают вопросы о вавилонской письменности^[1], о слоге С. Т. Аксакова, о законах и терминах органической критики^[2], о неизбежности идеализма в материализме^[3], о психологической неверности характера Калиновича^[4] и т. п. Мы нарочно создаем для себя задачи и ломаем над ними голову, воображая, что их решение чрезвычайно важно. Например: «Какую физиономию нужно соорудить при виде почтенного человека, бегающего что есть силы по палубе парохода для того, чтобы скорее пристать к берегу?» Или: «Как найти средства вознаградить детей вора за украденные покойным отцом их вещи, когда вещам этим находится настоящий хозяин?» Подобные задачи занимают нас целые годы. Но что до них за дело народной массе? Ей нужны другие предметы, другой метод их разработки, другая логика... А этого-то и не дают ей произведения нашего образованного ума, направленные для нашего услаждения, а отнюдь не для блага народного. Поневоле и по необходимости остается простолюдин в темноте своей, и поневоле бредет он ощупью за другими, сам не зная, куда и зачем ведут его. И – что всего ужаснее – никакого исхода из этого печального положения нельзя предвидеть. Всеми средствами образованности, всеми преимуществами новейших открытий и изобретений владеют неработающие классы общества, которым нет никакой выгоды передавать оружие против себя тем, чьим трудом они до сих пор пользовались даром. Следовательно, без участия особенных, необыкновенных обстоятельств нечего и ждать благотворного распространения образования и здравых тенденций в массе народа. Пройдут века, и все будет по-старому: по вековой рутине, новые успехи цивилизации будут только помогать тунеядным монополистам в эксплуатации рабочих людей; и, по той же рутине, рабочие будут обращаться за советом и судом к своим эксплуататорам. А что из этого выйдет, угадать нетрудно: нужно только посмотреть вокруг себя. И теперь – что встречает простолюдин, когда нужда заставит его войти в соотношение с образованностью? Тут с него берет взятку грамотный писарь, тут его обсчитывает ученый хозяин, здесь обмеривает землемер, там у него на перепутье стоят разные немецкие промышленники и всякие иноземные изобретатели, там висят над ним бюджеты, кредиты, конвенции, мобилизации и другие изобретения новейшей государственной цивилизации, беспрестанно отзываются на его спине и кармане... И куда он ни обратится – все говорит ему о бесконечном, безысходном продолжении той же истории. В школе его учат «не рассуждать, а исполнять»;^[5] в деле сердца и высших стремлений он слышит беспрестанно суеверные аллегории от разных мистификаторов; в юридических отношениях он натывается всюду или на помещичью власть, или на окружного и станового, в частных, житейских делах он встречает – кулака, конокрада, знахаря, солдата на постое, купца-барышника, подрядчика... Наконец – на каждом перекрестке в городе, на каждой сходке в селе, на каждой станции в дороге встречает он целовальника и откупщика и, полный горького отчаяния, предается им телом и душой, с семьей, с именишником, даже часто с будущим трудом своим, за который еще только задаток получен...»

Так говорят пессимисты и, на основании своих мрачных соображений, отрицают возможность какого бы то ни было общего, самостоятельного движения в народе. Мнения их неутешительны и, главное, обидны для образованных людей, к которым мы с вами, читатель, конечно, и себя причисляем. Из этого ясно следует, что мы с пессимистами никак не должны соглашаться, а, напротив, должны восстать на них с чрезвычайно мрачным видом. Но воздержим на минуту наше негодование и попробуем потолковать с пессимистами кротко и разумно: может быть, нам удастся заставить их взглянуть на дело несколько с другой точки. Чтобы не слишком далеко расходиться, мы готовы даже принять на время, что все факты, выставляемые пессимистами, совершенно верны и что все их основания справедливы. Положим, что народ наш действительно страдает разъединенностью; положим, что он слишком обременен физическими трудами, отбивающими у него охоту помышлять об общих интересах; положим, что самые успехи цивилизации нередко обращаются у нас в средства к более искусной эксплуатации народа. Но, даже принимая все эти факты, мы надеемся, при помощи некоторых дополнительных соображений, прийти не к отчаянию в жизненных силах народа, не к убеждению в бесконечности его

апатии и неспособности к общественным делам, а к выводам совершенно противоположным. Вот какие соображения желали бы мы представить пессимистам.

Нет такой вещи, которую бы можно было гнуть и тянуть бесконечно: дойдя до известного предела, она непременно изломится или оборвется. Так точно нет на свете человека и нет общества, которого нельзя было бы вывести из терпения. Вечной апатии нельзя предположить в существе живущем; за летаргиею должна следовать или смерть, или пробуждение к деятельной жизни. Следовательно, ежели правда, что наш народ совершенно равнодушен к общественным делам, то из этого вытекает вопрос: нужно ли считать это признаком близкой смерти нации или нужно ждать скорого пробуждения? Пессимисты готовы, пожалуй, осудить на медленную смерть целое племя славянское; но, по нашему глубокому убеждению, – они крайне несправедливы. Их обманывает временная летаргия, и они не хотят видеть признаков жизненности, по временам обнаруживающихся в нашем народе. А между тем существование этих признаков не только подтверждается внимательными наблюдениями, но даже оправдывается некоторыми соображениями а priori¹. Говоря о народе, у нас сожалеют обыкновенно о том, что к нему почти не проникают лучи просвещения и что он поэтому не имеет средств возвысить себя нравственно, сознать права личности, приготовить себя к гражданской деятельности и пр. Сожаления эти очень благородны и даже основательны; но они вовсе не дают нам права махнуть рукой на народные массы и отчаяться в их дальнейшей участи. Не одно скромное ученье, под руководством опытных наставников, но одна литература, всегда более или менее фразистая, ведет народ к нравственному развитию и к самостоятельным улучшениям материального быта. Есть другой путь – путь жизненных фактов, никогда не пропадающих бесследно, но всегда влекущих событие за событием, неизбежно, неотразимо. Факты жизни не пропускают никого мимо; они действуют и на безграмотного крестьянского парня и на отупевшего от фухтелей кантониста, как действуют на студента университета. Холод и голод, отсутствие законных гарантий в жизни, нарушение первых начал справедливости в отношении к личности человека – всегда действуют несравненно возбуждательнее, нежели самые громкие и высокие фразы о правде и чести. Точно так и наоборот: материальное довольство и полное признание всех нравственных прав человека успокаивает его несравненно более, нежели все глубокомысленные внушения о кротости и благодушном терпении. Поэтому если розовое настроение духа, развивающееся в богатом лежебоке, мы не можем принять за доказательство того, что и для рабочего бедняка очень весело жить на свете, так отсюда вовсе не следует, чтобы и в противном случае нельзя было сделать заключения обратного. Напротив, если богатый и свободный от дел человек жалуется на то, что тяжело жить на свете, то из этого именно можно заключить, что бедному труженику еще тяжелее, хотя он, может быть, и не умеет так красноречиво изобразить свои страдания, по недостатку образованности. Образованность именно ведет к большей или меньшей степени ясности сознания и затем – к умению формулировать то, что сознается... Но и несформулированное страдание – все-таки страдание. Пусть оно таится, пусть не принимает определенного выражения, это не должно обманывать нас: есть предел, за которым оно может ярко обозначиться, и тогда без всяких книг, без всяких отвлеченных соображений, не говоря никаких фраз, даже не принимая особого имени для себя, оно проявится на самом деле. Действительный факт, отразившись в практической жизни деятельного, рабочего человека, породит тоже действительный факт, тогда как книжные теории и предположения образованных людей, может быть, так и останутся только теоретическими предположениями.

---

¹ Независимо от опыта (лат.). – Ред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Вероятно, имеется в виду статья Д. А. Хвольсона «Памятники древней вавилонской письменности» (РВ, 1859, март, кн. 1 и 2).

2.

Речь идет о статье Ап. Григорьева «Несколько слов о законах и терминах органической критики» (РСл., 1859, № 5).

3.

Статье Ю. Савича «О неизбежности идеализма в материализме» (Атеней, 1859, № 7) Добролюбов посвятил специальную рецензию (Совр., 1859, № 8; V, с. 177–190).

4.

О художественной немотивированности образа Калиновича, героя романа А. Ф. Писемского «Тысяча душ» (1858), писали Н. Д. Ахшарумов (в кн. «Весна. Литературный сборник на 1859 год». СПб., 1859, – см. рецензию Добролюбова в наст. т.), М. Де-Пуле (РВ, 1859, кн. 14) и др.

5.

Критикуя реакционный подход к проблемам воспитания, Добролюбов, в частности, имеет в виду Н. А. Миллера-Красовского и его книгу «Основные законы воспитания» (СПб., 1859). Слова, близкие к цитируемым из книги Миллера-Красовского, Добролюбов приводит в своей рецензии на нее (наст. т., с. 299).